

ЕЩЕ РАЗ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ФИННОУГОРСКИХ НАРОДОВ

1

В настоящем номере «Советской этнографии» помещена статья чл.-корр. Академии Наук СССР Д. В. Бубриха «О советском финноугроведении»¹, представляющая собой ответ на мой критический обзор работ конференции по изучению финноугорских народов, состоявшейся в Ленинграде в конце января и начале февраля 1947 г.² В своем ответе Д. В. Бубрих затрагивает целый ряд актуальных научных проблем, связанных не только с финноугроведением как крупным разделом советского языкознания, но и с важнейшими вопросами истории первобытного общества, археологии, этнографии и даже этнической антропологии. Речь идет о первичных и вторичных признаках рода и племени, о причинах и времени их формирования, о территории и эпохе складывания финноугорских народов, о роли работ Н. Я. Марра для конкретных проблем истории финноугров и их соседей, о самом содержании «финноугроведения» и об участии советских ученых различных специальностей в его конструировании.

Уже самый перечень этих вопросов говорит о том, что моя рецензия нашла отклик среди советских финноугроведов и побудила одного из их видных представителей высказаться по многим темам, недостаточно полно освещенным на самой конференции и вызвавшим недоумение, а подчас и возражения со стороны этнографов и антропологов, работающих по финноугорским народам. В конце своей статьи Д. В. Бубрих подчеркивает, что «финноугроведы приветствуют» мою рецензию, так как она «открывает путь к сотрудничеству с работниками других научных дисциплин, а значит, обещает помощь с их стороны». Нет сомнения, что советские этнографы и антропологи в свою очередь могут приветствовать выступление Д. В. Бубриха, которое свидетельствует о желании финноугроведов работать над сложными проблемами истории финноугорских народов в контакте со всеми советскими учеными, интересующимися этими проблемами. А ведь в такой совместной, коллективной работе, сочетающейся с принципиальной критикой и самокритикой, — лучший залог успеха, неуклонного, хотя и трудного движения вперед по пути построения подлинно научной истории народов СССР, истории, достойной нашей великой эпохи строительства коммунизма!

2

Однако большинство вопросов, поставленных в моей рецензии, и после ответа Д. В. Бубриха остаются неразрешенными.

Начнем с самого содержания «финноугроведения» в понимании организаторов Ленинградской конференции. Д. В. Бубрих напрасно приписывает мне мысль, что «советский финноугровед должен быть служителем чистой лингвистики», и упрекает меня в том, что я будто бы смущаюсь «моментом комплексности в работе советского финноугроведения»³. Ни в разбираемом обзоре, ни в других своих печатных трудах и устных выступлениях я нигде и никогда не высказывался против комплексного изучения финноугорских (как и всех других) народов. Напротив, советские этнографы и антропологи (в их числе и автор настоящей статьи) уже на протяжении многих лет ведут комплексную работу по изучению народов СССР и зарубежных стран, широко используя для своих научных выводов не только собственно этнографические и антропологические, но также исторические (в самом широком смысле слова), археологические, географические, а отчасти и лингвистические материалы.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Имея в виду только работы, непосредственно касающиеся финноугорских народов, уместно вспомнить о соответствующих главах из недавно вышедшей книги Г. Ф. Дебеца⁴, о его же статьях, посвященных антропологическому составу вепсов и мордвы-эрзя⁵, о трудах В. Н. Чернецова по этногенезу манси и хантов⁶, об антропологическом изучении этих же народов Т. А. Трофимовой и автором настоящей статьи⁷, о его же работах по этногенезу коми⁸, о статьях В. Н. Белицер по этнографии удмуртов и

¹ См. стр. 189—196 настоящего журнала.

² Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185.

³ Стр. 189 настоящего номера журнала.

⁴ «Палеоантропология СССР», М.—Л., 1948, см. в особенности §§ 15—17 гл. II, §§ 28—30 гл. III, §§ 42—43 гл. IV.

⁵ Г. Ф. Дебец, Вепсы, Ученые записки МГУ, вып. 63, 1941; его же — Антропологический очерк бытш. Лукояновского уезда, там же.

⁶ См., например, его статью «Очерк этногенеза обских югров», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 18—28.

⁷ «Антропологическое изучение манси», там же, стр. 28—37.

⁸ «Этногенез коми в свете антропологических данных», там же, стр. 54—58; «Этногенез коми по данным антропологии», «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 50—80.

бесермян⁹. Конечно, работы эти не свободны от недостатков и в настоящее время не во всем удовлетворяют самих авторов. Но везде красной нитью проходит мысль, сформулированная С. П. Толстовым еще в 1940 г., о том, что для разрешения проблем этногенеза «требуется координированная работа ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, лингвистов, антропологов»¹⁰. К сожалению, как раз лингвисты принимали в этой плодотворной коллективной работе наименьшее участие. Не случайно в лингвистических докладах, заслушанных на Ленинградской конференции, лишь в самой минимальной степени использовались исторические (а тем более археологические и этнографические) данные для освещения таких вопросов, как место и время формирования финноугорских народов или причины и эпоха распространения финской речи в Прибалтику. Не случайно также к работам конференции не были привлечены очень многие археологи, этнографы и антропологи, на протяжении ряда лет ведущие исследования среди финноугорских народов.

3

Таким образом, ни о каком отрицании необходимости комплексного изучения финноугорских народов не может быть и речи. Следует полностью согласиться с Д. В. Бубрихом, что «без такой комплексности нечего и пытаться строить советскую науку»¹¹. Но комплексное изучение отдельных финноугорских народов это совсем не то, что конструирование особой комплексной дисциплины «финноугроведения», имеющей объектом своего изучения не только языки, но также историю культуры и быта финноугорских народов в целом. Сам Д. В. Бубрих справедливо подчеркивает, что «народы, называемые финноугорскими, связаны между собой только (разрядка наша.— Н. Ч.) по языковым признакам»¹². Но раз так, то всякая попытка установить специфическое финноугорское единство вне сферы языка должна неизбежно вести к признанию мнимой «панфинской» историко-культурной общности и к искусственному отрыву финноугорских народов от их иноязычных соседей. А ведь именно такова «научная установка» реакционных финляндских ученых, вызвавшая заслуженную отповедь со стороны Д. В. Бубриха¹³.

На протяжении многих десятилетий финские буржуазные этнографы, начиная с Сиреллиуса и Гейкеля и кончая Манниненом и Рэнком, старались проследить «общие элементы» в культуре финноугорских народов, почти полностью игнорируя черты культурного сходства между этими народами и их славянскими, балтийскими и тюркскими соседями или же рассматривая подобное сходство как результат односторонних поздних заимствований. Такое положение, «нормальное» для капиталистических Финляндии, Венгрии или Эстонии первых десятилетий нашего века, совершенно нетерпимо в Советском Союзе, где в основе любого научного исследования лежит ленинский тезис о том, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁴. Постоянная «оглядка» на языковую общность финноугорских народов привела финскую буржуазную этнографию к шовинизму и замкнутости, борьба с которыми является прямым долгом советских ученых.

Очень показательно, что в самой молодой из «финских» советских республик — в Эстонской ССР — эта борьба уже ведется силами самих эстонских ученых. Этнография эстонского буржуазного периода, — пишет проф. Х. Моора, — имела языковую основу, используя в качестве главных исторических источников данные финноугорской лингвистики. В связи с этим область интересов этнографов не выходила за пределы финноугорских народов. Между тем, согласно советской концепции, этнография является отраслью исторических наук... Советская точка зрения значительно расширила поле зрения эстонской этнографии, которая уже приступила к изучению исторических связей нашей народной культуры с культурой соседнего русского народа. Эта работа вскрывает новые интересные факты. Так оказывается, что эстонский этнографический материал содержит общие элементы не только с таковым непосредственно прилегающих русских областей, но и с культурой более отдаленного от Эстонии белорусского народа»¹⁵.

Надеемся, читатель простит нам эту длинную цитату: уж очень метко — не бровь, а прямо в глаз — бьет она по всяким попыткам снова ограничить все это

⁹ «К вопросу о происхождении бесермян», Труды Ин-та этнографии, I, 1941, стр. 183—193; «К вопросу о происхождении удмуртов», «Советская этнография», 1941, № 4, стр. 103—125.

¹⁰ «Итоги совещания по этногенезу народов Севера», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 3.

¹¹ Стр. 189.

¹² Там же.

¹³ Стр. 190.

¹⁴ В. И. Ленин, Письмо к Инессе Арманд, 30/XI 1916 г., «Большевик», 1949, № 1, стр. 41.

¹⁵ Н. Моора, Eesti etnograafia nõukogulikult ülesehitamisest, Eesti rahva muuseumi aastaraamat, I, Tartu, 1947 (цит. по русскому резюме, стр. 200—201).

роннее изучение финноугорских народов узкими рамками искусственно созданного «комплексного» финноугроведения, включающего не только лингвистику, но также историю, археологию и этнографию финноугров. Вместе с Д. В. Бубрихом мы приветствуем творческое сотрудничество советских ученых разных специальностей в деле изучения финноугров, вместе с ним радуемся, когда финноугроведы развивают свою «лингвистическую скорлупу» и выходят на широкую историческую дорогу. Но одновременно предостерегаем: не забывайте «конкретного опыта истории», не создавайте комплексной науки для изучения комплекса, которого нет, но который надо было выдумать нашим врагам, злейшим врагам трудящихся масс самих финноугорских народов! Конечно, языковое сходство финноугорских народов требует своего исторического объяснения. Но сама ограниченность этого схождения, подчеркиваемая и Д. В. Бубрихом, прямо указывает на то, что общие явления в финноугорских языках складывались в древнейший период их истории. По существу исторические вопросы, связывающие всех финноугров, ограничиваются вопросами их происхождения. Напротив, проблемы, общие для финноугров и их «киноязычных» соседей, приобретают все большее и большее значение по мере приближения к современной эпохе. Археологические, этнографические и даже антропологические материалы, почти совершенно игнорируемые Д. В. Бубрихом, позволяют проследить тесные культурные связи финноугров с восточными славянами, летто-ливовцами и восточноевропейскими тюрками по крайней мере с первых веков н. э., т. е. со времени, когда все перечисленные этнические группы находились в процессе формирования специфических особенностей культуры и языка. Несомненно, что особые пути исторического развития обских угров, пермских, волжских и балтийских финнов в значительной степени обусловлены разным характером их взаимодействия с окружающими народами, в первую очередь с русскими. Именно поэтому работы, посвященные культурной истории финноугров, в рамках «комплексного финноугроведения» оказываются или глубоко порочными (вроде «космополитического» доклада Д. К. Зеленина), или касающимися лишь отдельных (а не всех) финноугорских народов (вроде докладов В. В. Мавродина или С. В. Бахрушина).

4

Значительный интерес представляет второй раздел статьи Д. В. Бубриха, иллюстрирующий беспорочное положение о том, что «лингвистические материалы нередко наталкивают на выводы исторического значения»¹⁶. Приходится действительно удивляться отставанию советской исторической науки в деле изучения финноугорских народов, особенно ранних периодов их становления и развития. Вредная путаница с емью и корелой, проникшая не только в научно-популярную книгу С. Галяцкого, но и в учебник истории М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева, не делает, конечно, чести нашим историкам. К сожалению, примеры крайне неточной географической локализации финноугорских народностей на исторических картах, приведенные Д. В. Бубрихом, не являются исключительными. В том же учебнике Тихомирова и Дмитриева на карте «Восточная Европа в XII и первой половине XIII века» племя «печора» без всякого основания отождествлено с коми, в то время как «пермь», беспорочно бывшая предками коми (как зырян, так и пермяков), с ними не связывается. Удмуртов на этой карте нет совсем, хотя о них под именем «вада» упоминается в таком замечательном памятнике русской письменности XIII в., как «Слово о погибели Руския земли»¹⁷. Зато к востоку от мошки точно локализованы весьма сомнительные «буртасы». На другой карте («Русское государство в 1462—1600 гг.») коми оказываются уже между Вымью и Камой: выходит, что они переселились сюда с Печоры, тогда как в действительности имел место диаметрально противоположный процесс¹⁸.

Вернемся, однако, к статье Д. В. Бубриха, третий раздел которой посвящен значению работ акад. Н. Я. Марра для советского финноугроведения. В том, что передовые советские языковеды стремятся творчески, а не догматически развивать учение Н. Я. Марра, у нас нет оснований сомневаться. Верно, конечно, и то, что: «Н. Я. Марром написано довольно много (правильнее сказать: очень много.— Н. Ч.) об архаической подготовке финноугорской речи и о ее архаических связях, особенно с Кавказом». Но совсем непонятно, почему советское финноугроведение «имеет очень мало случаев ссылаться на Н. Я. Марра в вопросах, выходящих за рамки установок»¹⁹. Пусть Н. Я. Марр мало занимался изучением «собственно финноугорских горизонтов развития финноугорских языков». Но разве советские финноугроведы сознательно ограничивают свою работу изучением только этих, сравнительно поздних горизонтов? Кто же, как не советские лингвисты, должен разрабатывать вопрос о самом происхождении финноугорских языков, об «архаической подготовке финноугорской речи» (говоря словами Д. В. Бубриха)? Ведь одно из основных положений учения Н. Я. Марра заключается в том, что история любой языковой системы может быть правильно освещена только при условии анализа ее связей с языками других систем. В специальных лингвистических вопросах нам надо быть особенно осторожными. Все же хочется

¹⁶ См. стр. 190.

¹⁷ «Памятники древней письменности», т. LXXXIV, СПб., 1892.

¹⁸ См. М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев, История СССР, т. I, карта 9.

¹⁹ Стр. 191.

надеяться, что наши языковеды реально поставят перед собой проблему происхождения финноугорских языков и используют при ее разрешении не только установки Н. Я. Марра, но и богатейшие фактические материалы, заключающиеся в его работах.

Отнюдь не смешивая относительно позднее с арханческим (против чего правильно предостерегает Д. В. Бубрих), можно и должно изучать конкретные исследования Н. Я. Марра, посвященные истории отдельных языков и их групп. Очень трудно согласиться с мыслью, что для советского финноугроведения имеют только установочное, а не конкретное значение такие работы Н. Я. Марра, как «Чуваши — яфетиды на Волге», «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык», «Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев», «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», «Суоми-карельские и сомех-картские языки» и т. д.²⁰ Многие языковые связи, прослеженные Н. Я. Марром, хотя и сложились в глубокой древности (до формирования финноугорских языков), но продолжали сохранять реальное значение в исторически обозримые эпохи вплоть до средних веков. К числу таких связей принадлежат бесспорно финно-чувашские корреспонденции в Волго-Камье и весьма вероятно связи тех же приволжских и прикамских народов с Кавказом.

5

Мы подошли вплотную к одному из центральных вопросов советского финноугроведения — к вопросу об историко-географической обстановке формирования финноугорской языковой общности. В своем критическом обзоре я указывал, что хотя этот вопрос и был поставлен в докладе Д. В. Бубриха на Ленинградской конференции, но его разрешение носило крайне абстрактный, «внеисторический» и «внегеографический» характер²¹. В своем ответе на мою рецензию Д. В. Бубрих конкретизирует картину формирования финноугорской языковой общности, указывая, что она сложилась на пороге металлической эпохи в бассейне Волги (без низовья) в результате длительного контакта между многочисленными языками смежных территориальных групп населения южной части лесной полосы, живших в теплых полужемлянках, занимавшихся главным образом рыболовством и охотой с помощью лука и стрел, и уже знакомых со «скромнейшими» начатками животноводства и земледелия²².

Несомненно, характеристика процесса формирования финноугорской языковой общности, данная Д. В. Бубрихом в его последней статье, более определена, чем построения на ту же тему в докладах на конференции, оторванные от времени и пространства. Все же целый ряд недоуменных вопросов, связанных с этой важнейшей проблемой, остается без ответа и после ознакомления с разбираемой статьей.

Поразительно прежде всего, что Д. В. Бубрих пытается решить комплексную проблему формирования финноугорских народов и языков исключительно на основании лингвистических данных, совершенно игнорируя материалы исторических дисциплин и в первую очередь археологии и этнографии, которым принадлежит здесь если не решающее, то во всяком случае очень веское слово. Ни в первом томе «Советского финноугроведения», ни в статье Д. В. Бубриха не упомянуты многочисленные работы А. В. Збруевой, Н. А. Прокошева, А. П. Смирнова, М. В. Талицкого, В. Н. Чернецова, А. В. Шмидта и других советских археологов, имеющие прямое отношение к неолитическим и металлическим культурам Волго-Камья, а следовательно, и к проблемам финноугорского этногенеза.

Игнорируя при реконструкции культурно-бытовых особенностей древнейших финноугров все данные кроме чисто языковых, Д. В. Бубрих, по существу, оказывается стоящим на позициях так называемой «лингвистической палеонтологии» в домарровском понимании этого термина. А ведь это как раз то, против чего страстно выступал еще великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский. «Все, что с неимоверными усилиями, — писал он, — успевает добыть историческая филология для объяснения первобытной жизни, сообщает нам этнография в живых, простых, ясных рассказах»²³. Сравнивая роль филологии и этнографии в изучении первобытной культуры, Чернышевский отдаст предпочтение последней. «И верность и полнота, — подчеркивает он, — на стороне этнографии. Поэтому-то она должна быть главнейшей предводительницей при восстановлении древнейших периодов развития народов»²⁴. Хорошо известно также, что Н. Я. Марр всю свою жизнь вел неутомимую борьбу за изучение истории языка в связи с историей материальной культуры. И в настоящее время не потеряло своего установочного значения сформулированное им еще в 1925 г.

²⁰ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, Этно- и глоттогония Восточной Европы, М.—Л., 1935.

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 178.

²² Стр. 192.

²³ Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. I, 1906, стр. 225.

²⁴ Там же, стр. 225—226. — Своевременно вспомнить, что высказывания Чернышевского о переоценке роли сравнительного языкознания для древнейшей истории народов были прямо направлены против формалистической немецкой «школы» братьев Гримм и их последователей, игнорировавших при изучении первобытной культуры этнографические и археологические материалы.

положение: «...с судьбой предметов вещественной культуры не может быть разлучена разработка словесных материалов»²⁵.

По утверждению Д. В. Бубриха, финноугорская языковая общность складывалась «на пороге металла» в бассейне Волги. «Порог металла» в этой части Восточной Европы — это II тысячелетие до н. э., время расцвета таких культур бронзового века, как фатьяновская, сейминско-турбинская и абашевская. Развитие этих культур обусловлено выделением сельскохозяйственных и особенно скотоводческих племен, тесно связанных со своими южными, степными соседями, а также возникновением мощного очага ранней металлургии в Приуралье. Связывать «фатьяновцев», «сейминцев» или «абашевцев» с какими-либо из современных этноязыковых групп (хотя бы на стадии их формирования) очень рискованно. Даже тысячелетием позднее, в скифскую эпоху, этническая карта Восточной Европы была настолько своеобразной, «что идентификация северных народов, называемых Геродотом, с современными — невозможна, если... искать их двойников ныне в самостоятельных отдельных народах»²⁶. Как же согласовать эти бесспорные положения с тезисом о формировании финноугорской языковой общности во II тысячелетии до н. э.? Неужели общность эта сложилась на полтора тысячелетия раньше, чем славянская, возникшая в III — II вв. до н. э.?²⁷. Если на финноугорских языках уже говорили во времена киммерийцев (а именно так получается у Д. В. Бубриха), то к какой эпохе относятся проследженные Н. Я. Марром связи между Волго-Камьем и Кавказом, Волго-Камьем и Средиземноморьем, связи, носящие архаический «дофинноугорский» характер?

Все эти вопросы остаются без ответа. Да и трудно на них отвечать, оперируя только лингвистическими данными. Но если данные эти сопоставить с археологическими, историко-географическими и палеоантропологическими, то картина может разясниться. Второе тысячелетие до н. э. действительно было эпохой великих событий в Восточной Европе, связанных с переходом от низшей к средней ступени варварства, а в конце периода и с развитием в Причерноморье предпосылок для зарождения военной демократии. Межплеменное разделение труда и выделение подвижных скотоводческих групп, несомненно, сопровождалось многочисленными племенными скрещиваниями, которые в Волго-Камье носили характер взаимодействия между лесными охотничье-рыболовческими племенами и тяготевшими к лесостепи и степи мотыжными земледельцами-скотоводами. Именно в эту эпоху в рамках яфетической стадии глоттогонии должны были существовать культурные и языковые связи Волго-Камья с южными областями: Причерноморьем, Кавказом и Средней Азией. Археологически связи эти подтверждались неоднократно: последним словом советской науки являются здесь открытия С. П. Толстова, установившего переживание во II — I тысячелетиях до н. э. в культурах шигирского типа в Приуралье традиций древнехорезмийской (кельтеминарской) культуры²⁸. Антропологически скрещивания лесных и степных племен нашли отражение в смешении восточных (сибирских) монголоидных элементов с южными (черноморско-каспийскими) европеоидными типами²⁹. Лингвистически этим процессам должны были соответствовать широкие взаимодействия «яфетических» предков будущих финноугров с синстадиальными предками, с одной стороны, урало-алтайских народов Западной Сибири, с другой же стороны, — древнейших племенных групп Юго-восточной Европы и Юго-западной Азии: от киммерийцев до древних хорезмийцев, а может быть и до доиндоевропейских народов Индии³⁰.

Учитывая не только лингвистические, но и историко-археологические данные, само формирование финноугорской языковой общности можно предположительно отнести к I тысячелетию до н. э. (а вовсе не к «заре металла», которая в рассматриваемой области «взошла» примерно на тысячу лет раньше), когда в Прикамье, на северо-восточной периферии еще наполовину яфетического «скифского мира» сложилась мощная и яркая ананьинская культура, влияние которой простиралось на востоке до Зауралья, на севере до Белого моря, на западе до Балтики и Скандинавии³¹. Носители ананьинской культуры, вероятно, представлявшие собой своего рода ядро «протофиннов», через скифов были культурно-исторически тесно связаны с предками других этнических групп населения нашей Родины: восточных славян на западе и юго-западе, различных народностей Кавказа и иранцев — на юге и юго-востоке. К сожалению Д. В. Бубрих как в своих докладах на финноугорской конференции, так и в ответе на мою рецензию ничего не говорит о времени и конкретном характере этих древних связей, которые хотя и предшествовали складыванию финноугор-

²⁵ Н. Я. Марр, По поводу русского слова «соло» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века, Избр. раб., V, 1935, стр. 67.

²⁶ Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. раб., V, М.—Л., 1935, стр. 210.

²⁷ А. Д. Удадьцов, Основные вопросы этногенеза славян, сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 7—8.

²⁸ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 71.

²⁹ См. там же, работы, указанные в примечании.

³⁰ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 73—74.

³¹ А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры, «Краткие сообщения, ИИМК», IX, 1941, стр. 37—42.

ских народов, но были необходимой исторической предпосылкой такого складывания. Вместо реально существовавших в I тысячелетии до н. э. племенных групп населения Восточной Европы у Д. В. Бубриха фигурируют абстрактные «родовые финноугорские диалекты, развивавшиеся в контакте»³². Хотя Д. В. Бубрих и утверждает категорически, что «для нас нет финноугорского «праязыка»³³, но совокупность «родовых диалектов» неизвестного происхождения, рассматриваемых вне связи с памятниками материальной культуры и вне хронологически определенного взаимодействия с соседними языками, по существу мало отличается от такого праязыка. Ведь и представители буржуазного индоевропейского языкознания не отрицают наличия многих диалектов в пресловутом индоевропейском праязыке!

Стремясь вскрыть причины и конкретно-историческую обстановку формирования финноугорских языков, необходимо основное внимание сосредоточить, во-первых, на изучении археологических памятников, которые могут пролить свет на характер материального производства и общественных отношений восточноевропейских племен в I тысячелетии н. э., и, во-вторых, на продолжении исследований Н. Я. Марра по древнейшим племенным скрещениям, игравшим огромную роль в истории любой языковой системы. Очень вероятно, что постепенное распространение финноугорской речи среди племен лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири было обусловлено подобными скрещениями, которые стимулировались культурным воздействием «ананьинского металлургического очага» на соседние области Зауралья, Поволжья, Беломорского и даже Балтийского бассейнов. Не следует, конечно, культурно-языковое взаимодействие подменять массовыми переселениями, для которых в таежной зоне не было никаких исторических предпосылок. Вполне правдоподобными представляются соображения Д. В. Бубриха о вторичном, хотя и сравнительно раннем, проникновении финской речи к берегам Балтики. Теснейшие антропологические и культурные связи прибалтийских финнов с северными русскими и летто-литовцами, не сводимые к поздним заимствованиям, свидетельствуют в том же направлении.

6

Последний (шестой) раздел статьи Д. В. Бубриха посвящен вопросу, который справедливо назван «самым трудным»³⁴. Это вопрос о языках и диалектах родоплеменных обществ. Соображения Д. В. Бубриха о соотношениях между родом и племенем на ранних стадиях их развития, несомненно, представляют определенный научный интерес. Особого внимания заслуживает мысль о «суверенности» древнейших родовых групп, сравнительно слабо связанных друг с другом хозяйственно и культурно. Однако соображения эти не дают оснований для пересмотра учения Энгельса о племенном (а не родовом) характере первоначальных диалектов, а тем более языков. Основой формирования тех и других могли быть, очевидно, только территориальные группы человечества, а такими в первобытном обществе были лишь племена, вне которых невозможно представить и существование экзогамных родов. Н. Я. Марр всегда говорил о племенных (а не о родовых) скрещениях, не только возможных, но и обычных при первобытно-общинном строе.

Остановимся подробнее на аргументах, которые Д. В. Бубрих выдвигает в пользу своей гипотезы о существовании родовых диалектов. Один из таких аргументов — сохранение у многих народов (особенно в Америке) особых мужских и женских языков. Сами по себе подобные факты общеизвестны, но толкование их Д. В. Бубрихом вызывает серьезные возражения. Резко выраженные различия между речью мужчин и женщин в пределах одной этнической группы встречаются очень редко и, как правило, имеют сравнительно позднее происхождение, связанное со слиянием уже сложившихся, совершенно самостоятельных племен. Наиболее известный случай такого рода — это особый язык женщин на островах Вест-Индии, отмеченный еще испанскими мореплавателями в конце XV в. Хорошо известно, что вест-индские женщины говорили на языке ароваков, в то время как мужчины употребляли караибскую речь. Такое двуязычие возникло исторически незадолго до появления в Америке европейцев в процессе завоевания воинственными караибами Вест-Индии и поголовного истребления ими мужского аровакского населения (при сохранении туземных женщин, часто отсутствовавших у самих караيبов, переселявшихся на острова с Южноамериканского континента). Совершенно ясно, что к гипотетическим родовым языкам явления эти не имеют никакого отношения.

В других случаях различия между мужскими и женскими языками (правильнее сказать — «говорами») оказываются совершенно ничтожными, часто сводясь к едва уловимым фонетическим нюансам. Я не знаю ни одного случая, когда различия между «половыми» говорами по своему характеру соответствовали бы различиям между территориальными диалектами того же языка. Вопрос еще требует детального исследования, но при настоящем уровне наших знаний о мужских и женских говорах нет никаких оснований видеть в них пережиточно сохраняющиеся остатки родовых диалектов. Причины возникновения «половых» говоров надо, по всей вероятности,

³² Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР, «Сов. финноугроведение», I, стр. 47.

³³ Там же.

³⁴ Стр. 193.

искать в характерном для первобытно-общинного строя половозрастном разделении труда и в связанном с ним обособлении женщин от мужчин.

Вполне прав Д. В. Бубрих, когда он пишет, что «у многих народов сохраняются рассказы, где герой ездит за женою к людям, живущим на свой особый лад и говорящим на своем особом языке или диалекте»³⁵. Однако такие дальние поездки, как правило, совершаются к людям другого племени. Все признаки посещения земли другого племени (а не рода или фратрии своего племени) носят и поездки героев «Калевалы» — Вайнемейнена, Илмаринена и Лемминкейнена в северную Похьолу³⁶. Резкий географический контраст между Калевалой и Похьолой, исключаяющий их близкое соседство, хорошо подмечен М. Шагинян в ее последней статье о карело-финском эпосе³⁷. Отнюдь не отождествляя Похьолу со страной лопарей (в современном смысле), мы имеем все основания видеть в ее обитателях людей другого племени, чем сыны Калевалы. Такой же характер дальнего путешествия «в страну даков диких» — представителей чужого племени (а не рода или фратрии) — имеет и знаменитое сватовство Гайаваты к Миннегате³⁸. Аналогичный мотив поисков жены в соседней племенной группе использовал латышский народный поэт Я. Райнис в своей эпической песне «Вей, ветерок», где описывается сватовство видземских парней к девушкам из Курземе³⁹. Число примеров можно было бы увеличить во много раз, но все они говорят об одном: везде, где речь идет о путешествии за женой к людям, говорящим на другом языке, следует предполагать межплеменные браки.

Непонятно, почему подобные браки так смущают Д. В. Бубриха, который прямо заявляет, что до возникновения союзов племен брачных связей между племенами не может быть⁴⁰. Вряд ли это справедливо. При слабой «оформленности» древнейших племен границы между ними должны были быть очень подвижными, текучими. Территориально-родовые группы в пограничных «контактных» зонах могли переходить от племени к племени и уже во всяком случае скрещиваться между собой. Подобные отношения еще недавно (в XIX в.) наблюдались у австралийцев, где одни и те же фратрии и роды встречались среди разных племен. Языковые различия не препятствовали этим процессам. Нередко соседние племена говорили на близких диалектах. Но даже если этого не было, межплеменные браки не являлись редкими исключениями. Интересно, что женщины, взятые из «иноязычных» племен, часто долгое время объяснялись знаками со своими мужьями. Для признания большой роли языковых скрещений в первобытном обществе нет никакой необходимости прибегать к сомнительной гипотезе «родовых диалектов», тем более, что все конкретные этнографические данные решительно свидетельствуют против нее. Не случайно А. Ф. Анисимов, единственный этнограф, принимавший участие в заседании Сектора финноугорских языков ИЯМ, на котором обсуждалась моя рецензия, поддержал по вопросу о родовых диалектах нашу точку зрения⁴¹.

7

В своем ответе на мою рецензию Д. В. Бубрих ничего не сказал о моей критике доклада Д. К. Зеленина и некоторых других работ, помещенных в «Советском финно-угроведении». По отношению к статье Зеленина такое молчание особенно странно, так как основные «выводы» этой статьи вызывают глубокое возмущение у советских ученых, возмущение, которое очень остро ощущается в наши дни, когда борьба с буржуазным космополитизмом стала одной из основных задач передовой науки в СССР и в зарубежных странах. Космополитический характер доклада Зеленина, отмеченный в моей рецензии, прямо свидетельствует о том, что в изучении финноугорских народов до самого последнего времени не были изжиты влияния буржуазных концепций, не имеющих ничего общего с подлинной наукой о происхождении финноугров и об истории их культурного взаимодействия с великим русским народом. Чего стоит, например, такое рассуждение Д. К. Зеленина: «русский и финский народы в течение многих веков переживали одни и те же моды — культурные международные влияния, и это обстоятельство сделало многие элементы их национальной культуры общими, одинаковыми...»⁴². Если учесть, что источником моды у Зеленина, как правило, является Западная Европа, то получится чудовищный «вывод»: культурная общность русских и финнов зависит от того, что те и другие воспринимали западные моды.

³⁵ Стр. 194.

³⁶ «Калевала», пер. Л. П. Бельского, под ред. Д. В. Бубриха, «Academia», 1933, руны 7, 12, 13, 18, 19, 26, 27, 30, 38, 39.

³⁷ М. Шагинян, «Калевала», «Новый мир», 1949, № 1, стр. 206—207.

³⁸ Лонгфелло, Песнь о Гайавате, пер. И. А. Бунина, СПб., 1903, X, Сватовство Гайаваты, стр. 97—108.

³⁹ Я. Райнис, Вей, ветерок, пер. Н. Асеева, Рига, 1948.

⁴⁰ Стр. 195.

⁴¹ См. протокол заседания Сектора, финноугорских языков ИЯМ от 12/X 1948 г.

⁴² Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, «Сов. финноугроведение», I, стр. 90.

В своей статье Д. К. Зеленин не ограничивается подобными утверждениями, носящими клеветнический характер по отношению к русским и другим народам СССР, но пытается обрисовать самые способы распространения мод. «Кому подражали?» — спрашивает он. И отвечает: «Далеко не всегда своим ближайшим соседям; столь же часто пленным и купленным рабам, заезжим купцам, которых встречали в торговых центрах». В роли переносчиков мод — и в области материальной культуры, и в области фольклора — выступают те же «пленники, рабы, странники, купцы»⁴³. Если верить Зеленину, выходит, что своего, самобытного, оригинального у народов СССР почти ничего и не было: во всяком случае наиболее яркие и красочные элементы культуры оказываются заимствованными от иноземных «пленников, странников и купцов». Трудно поверить, что к подобным заключениям мог прийти советский ученый, который должен знать о давних и глубоких культурно-исторических связях между славянскими и финскими народами Восточной Европы, о своеобразии и самобытности культуры каждого из этих народов, прошедших свой особый исторический путь развития, о благотворном влиянии русской народной культуры на культуру финноугров, о классовом характере западноевропейских мод, которым широкие трудящиеся массы (особенно сельские) всегда оказывали сопротивление.

Нетрудно видеть, что «установки» Зеленина находятся в вопиющем противоречии со сталинским учением о нации и особенностях национальных культур. «Советские люди считают, — говорил И. В. Сталин, — что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»⁴⁴. Вряд ли надо много говорить о том, что конкретные этнографические материалы, в частности материалы, относящиеся к восточнославянским и финским народам, буквально на каждом шагу подтверждают эти положения, в то же время убедительно свидетельствуя против космополитических домислов о «широком движении мод» как основной причине культурных аналогий между народами. Мы вправе обратиться с вопросами к организаторам финноугорской конференции: как могло случиться, что доклад Д. К. Зеленина был включен в план ее работы, как могло случиться, что доклад этот не только не получил отпора на самой конференции, но и появился в ее «Трудах», как, наконец, могло случиться, что Д. В. Бубрих в своем ответе на мою критику обошел полным молчанием выступление Зеленина?

Некритическая переоценка культурно-исторической роли заимствований прослеживается и в некоторых других статьях «Советского финноугроведения». Ярким примером здесь может служить работа В. И. Лыткина «Происхождение древнепермской азбуки», только вскользь упомянутая в моей рецензии. Итогом этой работы является «сенсационный» вывод о том, что Стефан Пермский при создании древнепермской азбуки «брал начертания греческого алфавита XIII — XIV вв., наиболее отдаленные от соответствующих букв славянорусской азбуки»⁴⁵. Таким образом по Лыткину оказывается, что Стефан сознательно избегал пользоваться русскими буквами при составлении алфавита для коми и прививал последним греческие начертания. Однако «открытие» это, исторически мало вероятное, плохо согласуется с фактическими данными, которые определенно указывают, что «в основе начертаний пермских букв лежат начертания славянских букв, главным образом, уставного и, отчасти, полууставного письма». Лишь «в некоторых случаях (когда не было соответствующих русских образцов. — Н. Ч.) можно предполагать учет начертаний букв греческого алфавита»⁴⁶. Хорошо еще, что произвольные построения В. И. Лыткина, искажающие историческую действительность, были на самой конференции опровергнуты А. С. Сидоровым!

Несомненно, что космополитические «срывы» в работах финноугорской конференции, наиболее ярко проявившиеся в докладах Д. К. Зеленина и В. И. Лыткина, связаны с тем, что подавляющее большинство советских ученых-лингвистов, работающих над проблемами истории финноугорских народов, остались вне конференции. Языковеды же, составляющие ядро конференции, очевидно, не поняли до конца, куда ведут построения, подобные зеленинским «пан-европейским» (если не «панглобальным») модам. Путь к устранению самой возможности подобных «срывов» в будущем лежит через тесное сотрудничество советских исследователей различных исторических и лингвистических дисциплин, вооруженных марксистско-ленинской методологией и неуклонно проводящих в своей творческой работе большевистский принцип партийности в науке. Как и Д. В. Бубрих, я хотел бы закончить свою статью призывом к такому сотрудничеству, неразрывно связанному с освоением и дальнейшим развитием богатейшего научного наследия Н. Я. Марра — как в области языковедения, так и в области истории материальной культуры.

Н. Чебоксаров

⁴³ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 88, 89.

⁴⁴ И. В. Сталин, Выступление 1 апреля 1948 г. на обеде в честь финляндской правительственной делегации.

⁴⁵ В. И. Лыткин, Происхождение древнепермской азбуки, «Сов. финноугроведение», I, стр. 239.

⁴⁶ А. С. Сидоров, Коми письменность эпохи раннего феодализма, Там же, стр. 245.